

В половине десятого утра, когда Корозов в офисе входил в свой рабочий кабинет, во внутреннем кармане пиджака раздался телефонный звонок. Глеб закрыл за собой дверь, достал смартфон, глянул на дисплей. Номер был неизвестным. А звонок — бесконечным.

Поднес к уху и услышал знакомый голос. Звонил Павел Шехов, двоюродный брат. Жил он в другой области и занимался таким же бизнесом, как Корозов. Но вчера по каким-то своим делам поздно вечером приехал в этот город. Позвонил Глебу, когда уже устроился в гостиницу. Корозов возмутился, что тот не приехал к нему. Но Павел сказал, что не хочет стеснять брата, что в гостинице ему привычнее, что он не один, а с охраной и что к Глебу в офис собирается завтра.

Услыхав про охрану, Глеб удивился. Странно. Павел всегда посмеивался над любой охраной, в особенности над его. Всегда напоминал, что у Глеба весь бизнес под охраной, а, между тем, ему самому это не очень помогало, когда попадал в какие-нибудь переделки. Странно. Павел с охраной. Что могло заставить брата изменить свое отношение к охране?

С Шеховым они росли вместе. В раннем детстве тот остался без родителей и воспитывался в семье у Корозовых. Были дружны, но, когда выросли, их дороги разошлись. Павел уехал в другой город. Каждый сам по себе начал заниматься бизнесом. Изредка их пути пересекались, проездом заглядывали друг к другу в гости или, мелькая в гостиницах, накоротке перекидывались несколькими фразами.

Сейчас из телефона прозвучал нервно-возмущенный голос:

— Представляешь, Глеб, одно ворье ошивается в этой гостинице, будь она неладна. Из-под самого носа увели телефон, концов не нашел! Проснувшись, отправился под душ, а вышел — телефона на столе нет! Исчез. Все обыскал, думал, завалился куда. Увы. Испарился. И это при том, что у двери — охрана, ребята надежные, проспать не должны. Клянутся, что никто

в номер не входил и никто не выходил! А телефон, между тем, тью-тью. Мистика!

В ответ Корозов громко хохотнул. Шехов досадливо чертыхнулся и продолжил:

— Есть серьезный разговор, Глеб! Очень серьезный. Намеревался сам заехать к тебе в офис, но раз пошла такая пляска, прошу тебя сейчас приехать ко мне в гостиницу. Номер двадцать три. Буду ждать! Запомни, номер двадцать три! Двадцать три! — несколько раз взволнованно повторил, чем, в общем-то, озадачил Корозова.

Отключив телефон, Глеб сел за стол. В дверь уже заглядывали работники со срочными вопросами. На какое-то время дела отвлекли, и он, погрузившись в них, забыл о разговоре с братом. Когда наконец разобрался с делами, было уже начало двенадцатого. Поднялся из-за стола. Решил на всякий случай взять с собой начальника охраны, Исаю. И вместе с ним отправился в гостиницу.

Холл гостиницы обставлен мягкими диванами с журнальными столиками. Дежурный администратор, флегматичная девушка с короткой стрижкой, накачанными силиконом губами и задумчивым взглядом, на вопрос Корозова, где расположен номер двадцать три с постояльцем Павлом Шеховым, нехотя подняла голову и объявила, что номер свободен, гость сегодня утром выехал. Глеб оторопел, как так, Павел только недавно звонил, что будет ждать. Администратор неопределенно пожала плечами:

— Ничего сказать не могу. Съехал при предыдущей смене. Моя смена началась в десять часов. Вот, — полистала журнал. — Номер двадцать три свободен. Снимал его не Шехов, а совсем другой человек.

Что за чертовщина. Чудеса в решете. Корозов был в замешательстве:

— Тогда, в каком номере поселился Шехов Павел Петрович? — спросил недоуменно.

— Шехов, Шехов, — протяжно забормотала девушка, снова берясь за журнал и листовая страницы. — А Шехова у нас нет и не было! — сказала и шумно захлопнула журнал.

Глеба словно окатили холодной водой. Не мог же Павел подшутить над ним. Он вообще никогда этим не отличался. Даже анекдоты не запоминал. Похохочет, бывало, и забудет. Какие могут быть шутки. Тут что-то не то.

Ну, пусть в журнале не записали, мало ли почему, но на самом-то деле он поселился и не один. Это же не иголка в стоге сена. Допустим, эта дежурная на ресепшен его не видела, вчера вечером была другая, но та другая выдала ведь ему ключи от номера.

Лицо Глеба застыло, глаза остановились на Исае. Начальник охраны все понял без слов. Кивнул и через холл метнулся к лестничному маршу. Заставил дежурную по этажу открыть номер. Проверил. Никого. Спустился вниз. Развел руки, озадаченно потер пальцами лоб:

— Пусто, Глеб. Шаром покати. Номер убран. Нет даже признаков того, что в нем кто-то проживал.

Действительно какая-то чертовщина. Глеб заиграл желваками. Не проверять же все номера сплошь. Павел был взволнован, когда говорил по телефону, это было слышно по его тону. Возбужден, значит, мог перепутать номер. Например, переставить цифры местами. Вполне допустимо.

— Посмотри в номере тридцать два! — Глеб наклонился над стойкой.

— Ой, ну я уже сказала, — бесстрастно протянула администратор и на этот раз нехотя дотронулась до журнала. — Нет такого посетителя у нас вовсе. А в тридцать втором поселился человек с другой фамилией.

Сдержано выслушав, Глеб выразительно поглядел на Исаю. Чем черт не шутит, надо бы проверить и этот номер. А, может, пройти и по другим номерам. Чудес-то не бывает. Впрочем, почему не бывает? Вот оно, сонное чудо, сидит за стойкой. Даже разобраться толком не желает. Тычет пальцем в журнал и долбит

одно, как дятел на дереве. Однако не мог же человек просто так исчезнуть из гостиницы. Он был, но его не было.

Опять Исай устремился наверх. Глеб направился следом. Стоять и ждать у стойки или сидеть на одном из диванов, ловить на стенах солнечные зайчики и плавающие тени и гадать, что происходит, он не мог. Должен сам все протопать и своими глазами увидеть.

Холл был большим. Диваны со столиками расположены вдоль стен. На столиках — журналы. Между двух больших окон — высокое искусственное дерево. На окнах наполовину раздвинуты шторы, две полосы яркого света от окон падают на стены и пол, играя тенями. Стойка ресепшен чуть в стороне от этих лучей. Двери высокие двустворчатые с небольшим тамбуром.

Возле дверей лениво топчется молодой губастый охранник. Наградила природа, и силикон не нужен, как девушке за стойкой. Прохаживается туда-сюда. Сбоку от двери стоит стул для охранника. Перестав топтаться, парень присаживается на него, причмокивает губами, что-то про себя нашептывает.

Посреди холла на полу — большой ковер с густым высоким ворсом. Ступни мягко утопают в нем.

Глеб пошел по ковру к лестнице.

Администратор безразлично посмотрела ему в спину и опустила глаза.

Мягкая ковровая дорожка на этаже гасила звуки шагов Корозова. Двери номеров — на две стороны коридора. Все одинаковые. Гладкие. Коричневые. С темными наличниками. С хромированными ручками и замками. Стены покрашены бежевой краской. Плинтус широкий под цвет дверных наличников.

Возле тридцать второго номера разминали ноги двое крепких на вид ребят. Оба в белых рубашках и джинсах. Один белобрысый, повыше ростом. Другой рыжеватый с густыми веснушками на лице. С двух сторон дверей — стулья.

Определенно это были охранники Павла. Похоже, что Павел ошибся, когда называл ему номер. Снял тридцать второй,

а не двадцать третий. Странно, конечно, запутаться в двух цифрах, но что есть, то есть. Видимо, сильно обеспокоен был потерей телефона, коль даже цифры перепутал.

Охранники Шехова заметно напряглись, пока Глеб не назвал себя. После этого белобрысый, кашлянул:

— Павел предупреждал. Он ждет. — И постучал костяшками пальцев в дверь. Прошла минута, никто не отозвался, белобрысый постучал еще раз, приблизился к двери, негромко несколько раз позвал. — Павел, здесь Корозов! — надавил на ручку двери, открыл и отодвинулся, пропуская Глеба.

Тот шагнул в номер. Исай двинулся за ним.

Номер состоял из двух комнат. В первой комнате Павла не было, стоял диван с двумя креслами, стол со стульями, тумбочка с телевизором. Глеб продвинулся к двери во вторую комнату, ладонью толкнул ее и вошел, сердясь, что брат не отвечает. Окна зашторены, в комнате мало света.

На кровати на боку спиной к двери лежал Павел. Глеб подошел, тронул за плечо и увидел красное пятно крови на простыне. Отшатнулся. Все было так неожиданно, что его обожгло, будто он прикоснулся рукой к горящим углям. Обернулся к Исаю.

Приблизившись к кровати, тот тоже увидел кровь. Мигом нагнулся над телом. Лезвие ножа глубоко вошло в самое сердце, торчала только рукоятка. Исай даже не стал нащупывать пульс. Повернулся к Глебу, показал на нож в груди Шехова:

— Точный удар, Глеб. В самое сердце. Мгновенная смерть, — взгляд устремился в сторону двери. — Охрана! Зови охрану, Глеб!

Выдох Корозова как звук взрыва ударил по стенам:

— Охрана! Охрана, черт вас побери! Все сюда! — покраснел он.

Ошеломленные криком, охранники вбежали в номер и замерли в растерянности у тела Павла, вперившись глазами в кровавое пятно.

— Кто входил в номер? — спросил Глеб, дрожа от негодования, повернув к себе белобрысого охранника и глянув на второго.

Но оба они, словно обезголосели, зевали ртами, как рыбы, выброшенные из воды, и ничего не могли выговорить. Только спустя некоторое время белобрысый все-таки с трудом хрипло выдавил, нервно дергая мочку уха.

— Никто. Никого не было.

Кажется, получить от парня сейчас другой ответ вряд ли удастся. Вот только такой ответ не мог устроить Глеба. Второй охранник также пожимал плечами и мычал что-то невразумительное. Мистика, — говорил Павел по телефону. Вот только нож в его сердце не мистический. И кто бы ни завелся в этой гостинице, Глеб подумал, что не остановится, пока не отомстит за брата.

Странно все. Сначала у Павла пропал телефон, при этом никто не заходил в номер, теперь опять никто не заходил, но Шехов лежал с ножом в сердце. Как будто сам себе воткнул его. И это уже не мистика.

Резко шагнув к окну, Исай раздвинул шторы, осмотрел подоконник:

— Как будто все нормально, Глеб. Через окно убийца не мог проникнуть. Я, по крайней мере, не вижу этого, — проговорил. — Пусть полиция смотрит.

По щеке Глеба прошлась морщина, он сжал скулы и вытащил из кармана телефон. Позвонил в полицию Акламину:

— Аристарх, — проговорил сдержанно, хотя внутри у него клокотало, — в гостинице «Городская» произошло убийство. Убит мой двоюродный брат Павел. Приезжай со своими оперативниками.

В дверях номера уже теснились уборщицы и дежурный администратор. Задумчивости и безразличия на ее лице как не бывало.

Войдя в номер, она смотрела испуганно и с любопытством. Волнуясь, терла своими вспотевшими ладонями по бедрам. Невзрачная, в нескладно сидящей кофточке, в нелепой цветастой юбке, она то и дела озиралась по сторонам, как будто ждала появления еще какого-то трупа.

Подозрительно посмотрев на нее, Глеб возмутился тем, как она недавно убеждала, якобы в гостинице нет Шехова:

— Почему ты меня обманывала? — спросил. — Это кто, по-твоему?

— Это не Шехов, это Павлов, — тихо произнесла девушка. — В журнале он записан как Павлов.

Корозов махнул рукой, дескать, что с тебя возьмешь. У него чуть не вырвалось обругать ее куклой с глазами и надутыми силиконом губами, но он подавил себя, потому что глупо было срывать свое зло на испуганной работнице.

Между тем, она стала защищаться:

— У нас паспортные данные. Мы же с паспорта записываем.

— А без паспорта в вашей гостинице никто не проживает? — усмехнулся Глеб. — Если сейчас пойдем по номерам, проверим! — конечно, он не собирался идти по номерам, но он увидел, как девушка тут же притихла и не стала с ним спорить. — Будете еще рассказывать мне про паспорт с фамилией Павлов!

Вскоре прибыла группа оперативников с Акламиным во главе. Аристарх осмотрел место преступления.

Приступив к работе, опера попросили посторонних удалиться из номера.

Исай направился к выходу. Глеб с Аристархом вышел в первую комнату. Оба разместились за столом, и Глеб подробно рассказал, что происходило до обнаружения трупа.

Оперативники нашли в кармане пиджака Шехова документы, положили на стол перед Акламиным. Тот прочитал их и попросил Глеба повторить фамилию убитого. Корозов твердо повторил. Тогда Аристарх протянул ему паспорт:

— Ты не ошибаешься, Глеб? Это действительно твой двоюродный брат? Посмотри. По документам это Павлов Иван Иванович.

Глянув, Глеб покрутил в руках и положил на стол:

— Могу сказать только одно. Видно, Павлу зачем-то понадобилась эта липа. Я вижу это первый раз. И никогда разговора

с ним на подобную тему у нас не было. Самому теперь интересно, зачем ему понадобился паспорт на другую фамилию? Между тем, это Шехов, мой двоюродный брат. Мы с ним вот с таких лет росли вместе. Мои родители воспитывали его как своего сына. Я уже рассказывал, утром он мне звонил, мы с ним говорили. У него ко мне был какой-то серьезный разговор. Но какой, он не сказал, и я даже не догадываюсь, о чем хотел сказать. Но вот сейчас мне вдруг пришла мысль, может, не случайно он назвал номер двадцать три. Несколько раз повторил. В этом что-то кроется. А по поводу его личности можешь спросить у его охранников. Они за дверью топчутся.

Охранников задержали, в этих обстоятельствах они первые попадали под подозрение.

Опера тщательно осмотрели номер. Телефона Шехова не было.

После Корозова Акламин пригласил дежурного администратора. Девушка вошла из коридора, опасливо поглядывая на дверь во вторую комнату. Вся была как на иголках. Труп в ее смену. Это серьезно. Она определенно перепугалась. Теперь за таскают. Теперь всех собак на нее вешать будут.

На вопросы Аристарха отвечала скованно, зажималась, проглатывала слова. Среди прочих вопросов, связанных с убийством в номере, Аристарх задал и другой:

— А кто у вас жил в двадцать третьем номере?

— В журнале учета все записано, — быстро, без запинки проговорила девушка, — можно прямо сейчас посмотреть.

— Я бы хотел посмотреть прямо сейчас, — сказал Акламин и отправил ее за журналом, а сам пригласил поочередно к себе дежурную по этажу и уборщиц в номерах, чтобы задать вопросы им.

Приостановившись в коридоре, Корозов вспоминал, не упустил ли какие детали в своем рассказе, которые могли бы помочь Аристарху.

Видел, как к нему прошла дежурный администратор, как она потом быстро выбежала из номера и зашпешила вниз по

лестнице. Видел, как дежурная по этажу и уборщицы пугливо жались к стенке возле двери номера, ожидая вызова для беседы. Окинул взглядом сбившихся в кучку любопытствующих постояльцев из других номеров, вздохнул и стал медленно вместе с Исаем спускаться в холл гостиницы.

Направился на ресепшен, увидав за стойкой склонившуюся над столом дежурного администратора, чтобы узнать, кто проживал в двадцать третьем номере? Девушка сидела на стуле неподвижно, уронив руки и голову на столешницу. Как будто дремала. Поразился, нашла время дремать. И вдруг заметил на ее голове кровь. Оглянулся на Исаю:

— Посмотри! — показал на кровь.

Начальник охраны метнулся за стойку, пощупал у девушки пульс.

— Ну? — спросил Глеб.

— Живая, — приподнял ее голову.

Девушка дышала. Глеб облегченно вздохнул, фу-ты, час от часу не легче. Похоже, в этой гостинице все заварено вкрутую. Помог Исаю перенесли девушку на один из диванов в холле. Ее окружили невесть откуда взявшиеся работники гостиницы, стали оказывать первую помощь, приводить в чувство.

Она открыла глаза, долго смотрела непонимающими глазами на людей. А когда стала постигать, что с нею и, видно, что-то вспомнив, в горячке начала подниматься. Ее пытались удержать, но она настырно оттолкнула всех и села. Огляделась, встала на ноги, и, покачиваясь, двинулась к своему рабочему месту. При этом повторяла:

— Мне срочно надо, меня ждет полиция.

Подошла к столу, и только тут до ее сознания окончательно дошло, что некоторое время назад здесь за этим столом с нею что-то произошло, вспомнила, как заметила сбоку от себя мужскую фигуру, которая стремительно зашла за стойку, а дальше ее память отсекло.

— Я хотела сказать ему, что за стойку посторонним заходить не положено, — пролепетала она растерянно и руками схватилась

за голову, ощутила боль и запекшуюся кровь на волосах, посмотрела на свои пальцы, они были в крови.

— Ты запомнила его лицо? — спросил Исай.

— Нет, — испуганно отозвалась она. — Я не видела его. Только рубашку. — Взгляд ее пробежал по столешнице, она торопливо взяла журнал и озадаченно замерла.

Корозов внимательно смотрел на нее:

— Что-то не так? — спросил, наблюдая, как изменились ее лицо.

— Да, — кивнула она и неуверенно произнесла. — Все не так. Вот здесь лежали квитанции с анкетами. Где они? Их нет. Я их не вижу. Пропали.

Исай грудью навалился на стойку:

Посмотри внимательней. Может в стол сунула и забыла.

— Нет, это исключено, — она задвигала ящиками стола. — Нету. Их совсем нету. Ни одной.

В гостинице существовал порядок, по которому приезжающие гости сами заполняли коротенькую анкету и расписывались в ней. Анкеты лежали в картотеке на столе у дежурного администратора до тех пор, пока человек не выезжал из гостиницы. Когда посетитель покидал гостиницу, ему выписывали квитанцию, а к ее копии подкалывали анкету, и раз в сутки накопившиеся документы передавали в бухгалтерию.

Придя на смену, девушка приняла их от сменщицы, сколола все вместе, чтобы отнести в бухгалтерию. Но развернувшись в гостинице события отвлекли от бумаг, и она вспомнила о них лишь теперь. Перелистала журнал. С ним все как будто было в порядке. Глеб обернулся к собравшимся в холле людям:

— Из вас никто не заметил этого мужчину? — обвел всех глазами.

Большинство стало пожимать плечами и отрицательно закрутило головами. Но вперед выступила пожилая дама в очках, в красивой кофточке и в длинной юбке:

— Я не видела, как ударили девушку, — проговорила она тоном весьма культурного человека, — но видела, как из холла

выбежал молодой человек. Я как раз входила с улицы. Он попался мне навстречу. Знаете, такой, ну, этакий, невзрачный, ну, в общем, ничего особенного. Как все молодые люди в нынешнее время. В обыкновенном пиджаке.

Толпа устремила на нее свои взгляды, а Корозов попросил вспомнить приметы молодого человека. Пожилая дама обидчиво, видя, что ее объяснение не удовлетворило Глеба, фыркнула:

— А примет никаких нет. Ничего особенного. Пиджак обыкновенный, поношенный, цвет, знаете, такой, не черный и не коричневый, а какой-то грязновато-невообразимый, борта прострочены, но вот здесь, на правой поле, — она таким отстраненным движением показала на себе, — порван, прямо нитки торчат. Брюки чуть отличаются по цвету, больше, знаете, в темно-зеленый фон, но тоже видно, что не новые, ношенные, это же сразу определишь. Знаете, бывают люди, сто лет одну вещь носят, а она всегда как новая, а бывают, наоборот, один раз наденут, и после этого вещь от старой не отличишь. Да, еще, туфли на нем были обычные, не скажу, что очень дорогие, но и не дешевка какая-нибудь. Нет. Поверьте, я знаю в этих вещах толк. А, кроме того, вот вспомнила еще, над правой бровью наклейка из пластыря была. Такая аккуратная полоска.

Вздыхнув, Глеб спросил:

— И вы это все сразу увидели? Ведь сказали, что только столкнулись с ним в дверях.

Пожилая дама покровительственно заметила:

— Молодой человек, во-первых, я не говорила, что столкнулась с ним. Не хватало еще мне, пожилой даме, с моим достоинством, сталкиваться в дверях, извините, с молодыми людьми. Еще скажите, что он чуть не сбил меня с ног. Нет, молодой человек. Я говорила, что видела, как он выбежал из холла. А во-вторых, молодой человек, почему вы удивляетесь тому, что я что-то на нем заметила? Настоящая женщина, извините, такие вещи замечает не только на бегу, но даже на лету! Вот, например, на вас надет дорогой костюм и красивые дорогие туфли, а это значит, что вы состоятельный человек и со вкусом, или

у вас есть женщина с хорошим вкусом, которая подбирает вам одежду. И нормальная дама, вроде меня, не может не обратить на это внимания.

Улыбнувшись, Глеб кашлянул. Попала в яблочко, в самую точку угодила. Как будто насквозь просветила. Ведь так и есть, без жены Оленьки он ничего сам себе не покупает. А у нее вкус безупречен. Достаточно ей разок на вещь взглянуть, чтобы определить, подойдет ему или нет.

Пожилую даму, между тем, возмутила его улыбка и покашливание, как будто он насмешничал над нею:

— А как же, молодой человек? — воскликнула она. — Костюм и туфли — это часть вашего лица!

— Ну, хорошо, хорошо, — пробормотал Глеб, — оставим мое лицо в покое. Сколько примерно лет было тому молодому человеку, который выбегал из холла?

— Почему же примерно? — обидчиво произнесла пожилая дама, — Я вам точно скажу. Тридцать пять, не больше.

Поблагодарив пожилую даму, Корозов попросил:

— Поднимитесь на этаж, расскажите все это полицейским.

— Я всегда рада помочь нашим правоохранительным органам, — отозвалась дама.

— Проводи ее к Акламину и расскажи о том, что произошло здесь, — сказал Исаю.

Начальник охраны вежливо взял даму под локоть:

— Прошу вас, уважаемая, — сказал, откинув челку с высокого лба.

— Очень вам признательна, молодой человек, — поблагодарила дама, двинувшись по холлу к лестнице, сквозь расступившуюся толпу. — Но вот что я вам скажу, молодой человек. По лестницам ходить под ручку не принято у культурных людей. Правильно будет, если наверх вы пойдете несколько впереди меня. А вот если бы мы с вами спускались вниз, тогда вы должны были бы пойти сзади меня.

— Конечно, конечно, не беспокойтесь, — ответил Исай. — Мы так и сделаем.

— Я не беспокоюсь, молодой человек. По вашему виду, вы надежный спутник, с вами женщине можно ничего не бояться. Вы всегда защитите и не обманете ее. Таких в теперешнее время среди молодых людей очень мало. Все больше маменькины сынки. Все больше в нынешнее время матерей-одиночек. А разве могут они вырастить настоящего мужчину? Нет, конечно. Вот и получается, ни рыба, ни мясо. А если их еще и от армии прячут, придумывают разные болячки, тогда совсем дело плохо. А вы думаете, почему сейчас в моду вошло разнообразное сожителство вместо законного брака? Да все потому же, молодой человек, что не стало настоящих мужчин, способных брать на себя ответственность и быть защитниками женщин. А если они не могут защитить женщину, то какие же из них защитники Родины? Никакие, молодой человек, совсем никакие. Ведь они не только защитить женщину, но и себя защитить неспособны. Вот потому и девушки с такими, простите, мимозами не хотят идти в ЗАГС. А вы, молодой человек, совсем другой. Я хорошо вижу это. Вот не посчитайте мои слова за оскорбление, но я бы вам посоветовала сменить ваш джинсовый наряд, хотя не отрицаю, он вам к лицу, но все-таки сменить его на хороший костюм. Костюм вам пойдет больше. В костюме вы будете гораздо привлекательнее. И еще очень хорошо, что вы быстро обучаетесь. Вот видите, как мы с вами правильно поднялись по лестнице. А теперь возьмите меня под руку и ведите к месту нахождения полиции.

Исай взял пожилую даму под локоть, и они по мягкой ковровой дорожке направились к тридцать второму номеру, где работали оперативники.

Проводив глазами Исай и даму, Глеб повернулся к дежурному администратору:

— А кто проживал в двадцать третьем номере?

Вспомнив, что именно это хотел знать полицейский, девушка заглянула в журнал, прочитала:

— Найков Олег Олегович.

Задержав дыхание, Глеб насупился. То Иван Иванович, то Олег Олегович. Записал адрес Найкова, спросил:

— Как выглядел он?

— Я не видела его, — пожалала плечами девушка и дополнила, — однако дежурная по этажу может знать. Спросите у нее, — прижала к груди журнал, вышла из-за стойки и понесла Акламину.

Препроводив пожилую даму к Аристарху, Исай нашел дежурную по этажу и расспросил о приметах того, кто селился в двадцать третьем номере. Однако дежурная мямлила в ответ такие же слова, что и пожилая дама. Обыкновенный, как все, ничего особенного, примет никаких.

Через два дня приехала жена Шехова для опознания трупа мужа. Глеб сам встретил ее на автовокзале. Правда, удивился про себя, что приехала на автобусе, а не на своей машине. Но спрашивать не стал. Сразу отвез ее к Акламину и затем в морг. Она опознала, но не смогла ни Глебу, ни Аристарху объяснить, почему у мужа оказался паспорт на имя Павлова Ивана Ивановича. Она также не смогла объяснить, с какими вопросами тот приехал к Корозову. Не могла ответить, какие проблемы были у мужа в бизнесе и что особенно волновало его последнее время. Не знала, были ли у мужа враги. Иначе говоря, на все вопросы просто пожимала плечами. Все это не очень понравилось Глебу.

Он плохо знал жену Павла, она была третьей у того. Видел до этого всего два раза, да и то коротко. В конце концов, решив, что женщина сейчас находится в таком состоянии, когда трудно отвечать на любые вопросы, перестал задавать их. Давила досада. Все как будто было окутано плотным туманом, сквозь который ничего не было видно.

Убийство двоюродного брата выбило Глеба из колеи, но он не видел связи между его смертью и собой. И Найков из двадцать третьего не вызывал у него никаких вопросов. Глеб решил, что корень зла зарыт в городе, в котором жил Шехов, а раз так, это дело полиции.

Между тем Акламин отправил по адресу Найкова одного из своих оперативников. И вскоре тот сообщил, что по этому

адресу такой не проживает. И никто не знает, кто это есть. Проверили в паспортном столе, паспорт был фальшивкой.

Итак, результат проверки опером оказался отрицательным, впрочем, это тоже результат. Дело запутывалось.

На ручке ножа остались отпечатки, но экспертиза показала, что это отпечатки самого Павла. Просто и понятно. Самоубийство. Ибо больше никаких отпечатков в номере не обнаружили. И если бы не фальшивка по фамилии Найков, и не покушение на дежурного администратора, то все сосредоточилось бы на одних охранниках убитого. Или они убили, или впустили убийцу. И тут возникает вопрос, кто такой Найков, и кто напал на девушку и выкрал бумаги? Какая связь между ними и убийством Шехова? В этом следовало разобраться.

Аристарх не сомневался, что Павел не ошибся, назвав Корозову номер двадцать три, очевидно, он чего-то опасался и хотел обратить внимание на человека из этого номера.

Но странность была еще в том, что никто толком не смог описать внешность Найкова. Если Найков и человек, напавший на дежурного администратора, это одно и то же лицо, тогда показания пожилой дамы, единственная зыбкая зацепка. Тогда похищение бумаг можно объяснить, ведь на анкете наверняка оставались отпечатки пальцев, и они могут быть в картотеке, да и почерк мог что-то раскрыть операм.

Короче говоря, в этом деле придется покопаться.

Через две недели после похорон Павла, его вдова неожиданно позвонила Корозову и попросила о встрече с ним. Глеба удивила просьба:

— Ты хочешь, чтобы я приехал к тебе?

— Нет, я хочу подъехать сама, — ответила она.

— Ну, пожалуйста, — согласился Глеб. — Я буду ждать.

Еще через день ранним утром у него опять раздался ее звонок. Глеб, собравшись на работу, в рубаше и галстук сидел вместе с женой Ольгой за столом в кухне, пил чай.

Жена улыбалась ему милой улыбкой и подливала в стакан. Ее в пастельных тонах красота, была глубокой и притягивающей. Глеб всегда любовался ею, и ему всегда ее было мало. Она тоже собиралась на работу, но ей надо было выезжать позже, потому сидела в коротеньком домашнем халате и домашних тапочках.

А вдова Павла вдруг сообщила:

— Я уже приехала, Глеб, нахожусь в гостинице «Городская», в тридцать втором номере.

Он поперхнулся, не ослышался ли:

— Ты не шутишь? Когда приехала?

— Не до шуток, Глеб, — ответила она. — Я точно приехала. Автобус прибыл ночью.

Секунду Корозов помолчал. Странно, опять приехала на автобусе, а не на своей машине. Встретив вопросительный взгляд жены, посмотрел на часы на стене и пообещал вдове:

— Через час-полтора буду у тебя! — а потом пояснил жене. — Вдова брата в «Городской», в том же номере, где убили Павла. Я тебе говорил, она обещала подъехать, но не думал, что так стремительно соберется. Видно, что-то серьезное, раз такая спешка. Может, что-то связанное со смертью Павла. Не знаю.

— Ты только один не ездил, — попросила она, в ее красивых с дымчатым оттенком глазах появилось беспокойство. — Может, Аристарху позвонить?

— Не волнуйся, Оленька, — успокоил Глеб, поднялся из-за стола, поцеловал ее в щеку, надел пиджак. — Конечно, один не поеду.

Как и в прошлый раз, Глеб взял с собой Исаю и отправился в гостиницу. В холле, как и прежде, народу было немного. За стойкой ресепшен была та же невзрачная девушка с короткой стрижкой. В другой, но так же нескладно сидящей, кофточке. Все как-то ненормально начинало повторяться.

Он направился к стойке.

Нехотя вяло девушка улыбнулась ему, узнав. Поприветствовала:

— Вот кого не ждала. Как бы чего опять не случилось.

— Как голова? — поинтересовался он. — Зажила?

— Сотрясение было, — неохотно сказала девушка. — Но все прошло.

Глеб глянул на табличку с ее именем и фамилией. Эта табличка была и прежде, но тогда он даже не посмотрел на нее, не думал, что придется еще встретиться. Внимательно прочитал: Оксана Юльевна Воброва.

Ее бесстрастный взгляд остановился на лице Глеба:

— Что сейчас привело к нам? Какие опять проблемы? Имя-то хоть узнать можно? — туман сполз с лица и глаза стали чистыми с четко выраженными крупными зрачками.

— Можно, — сказал Корозов и назвал себя. — А теперь, коль познакомились, посмотри, Оксана, ночью вселилась Шехова Любовь Станиславовна. В тридцать второй номер.

Воброва моргнула и голос прозвучал монотонно:

— Опять та же фамилия. Какое-то помешательство на этой фамилии. Может, лучше другую какую-нибудь посмотреть?

— Да нет, другой не надо, — сказал Глеб. — Посмотри Шехову Любовь Станиславовну.

— А что смотреть? — протянула Оксана, двигая руками по журналу. — Не нужно куда смотреть, ночью было мое дежурство. Через полчаса меня будут менять. Так вот, ни вечером, ни ночью я никого не селила в гостиницу, никто не заезжал.

После ее слов наступила пауза. У Глеба расширились глаза. А Исай, уже не дожидаясь команды Корозова, сорвался с места.

Мигом взлетел по лестнице, едва не сбивая с ног всех, кто встречался на пути, подбежал к столу дежурной на этаже. Узнал ее, и она его тоже узнала, посмотрела вопросительно.

Сегодня она была с другой прической и в другом платье. Круглое лицо чуть помято от недосыпа. Она была примерно в тех же годах, что и дежурный администратор на ресепшен, только явно старалась следовать моде, хотя вкусом достаточным не обладала. Впрочем, одежда на ней сидела несколько лучше, чем на администраторе и не была в глаза вычурными красками. Фигура, правда, была бабья, что не вязалось с ее возрастом. Хотя и лицо

было больше бабье, чем девичье. И голос с хрипотцой немолодой женщины. В общем, природа где-то допустила ошибку, а исправлять не стала.

— Кто у тебя в тридцать втором? — резко спросил Исай, впиваясь в нее колкими холодными глазами.

— В тридцать втором? — переспросила дежурная, как будто плохо расслышала, и наморщила низкий, но широкий лоб, словно вспоминала, но ответила без задержки. — Тридцать второй — пустой.

— Открой двери! — Исай протянул руку. — Ключ!

— Зачем? — как и прошлый раз стала противиться она, и даже не пошевелилась на своем стуле. — Я же говорю, номер пустой! — повторила, явно не желая выполнять его просьбу. — Что там смотреть? Только впустую дверями хлопать! — но, видя, что Исай не отступает, пробурчала с хрипотцой. — И что за люди, им говоришь, а они, как дятлы упертые, долбят и долбят свое. — Вытащила из стола ключ и бросила на столешницу перед собой.

Открыв номер, Исай прошел по комнатам. Номер действительно был пуст. Он осмотрел его тщательно, заглянул во все углы и уголки, в шкафы, обследовал окно, глянул на дежурную, маячившую у него за спиной. — Давно из номера выехали?

— Последний раз отсюда вынесли вперед ногами, — вздохнула дежурная и напонила. — Да ты должен помнить. После того случая никого не селили, хотя все спальные принадлежности заменили на новые. Вот, посмотри, кровать новую поставили, матрас новый, простынь, покрывало и наволочки на подушках новые. Ну, все. Видел же сам. А как же иначе?

— А ночью сегодня кого селили?

— Если бы селили, куда бы он делся? Здесь бы и был. Никого не селили. Ночь сегодня вообще спокойная была. Я даже вздремнула от безделья. Вон там, у окна, у нас небольшой диван. Ноги, правда, не вытянешь в полную силу, да ничего, и так неплохо! — отрывисто проговорила дежурная.

Вновь пройдя по номеру, Исай в спальне заглянул под кровать, приподнял покрывало, сунул руку под подушку, под матрас

и почувствовал, как палец на что-то наткнулся. Протянул руку чуть дальше и ухватил то, что попало под пальцы, зажал в ладони. Потом вытащил из-под матраца руку, не разжимая ладони, откинул подушку, отбросил покрывало.

За всем, что он делал, дежурная цепко следила. И поправляла то, что он двигал, открывал или трогал, так же поправила и постель после его осмотра.

Чтобы не привлечь внимания дежурной к находке, Исай не разжимал ладони. Вернулся в первую комнату, раздвинул шторы, проверил еще раз окно, огляделся. И пошел к выходу. Дежурная снова задвинула шторы. Он вышел из номера, подождал, когда дежурная закроет дверь.

— Говорила же, — бурчала она себе под нос, — так нет, не поверил.

— Странно, — сухо сказал Исай. — А куда же делась постоянщица?

— Ну, какой же ты дубовый! — повысила голос дежурная. — Говорю же, никого не было. Постоялицу какую-то придумал. Ты же во все дырки заглянул. Если бы была, нашел бы. И зачем нам в этот номер селить? У нас вон еще есть пустые номера. Если хочешь, можешь проверить.

Согласившись посмотреть пустые номера, он крепче сжал кулак.

Вернувшись к своему столу, дежурная достала из ящика два ключа и повела Исаю за собой. Открыла два разных номера.

Он осмотрел их без особого интереса. После этого направился к лестнице, чтобы спуститься в холл, где нетерпеливо прохаживался по ковру Корозов. Спускаясь вниз, приостановился, посмотрел, что было в ладони, озадаченно сунул в карман и поспешил дальше.

Из-за стойки с любопытством выглядывала Воброва. Около нее стояла сменщица. Оксана что-то негромко говорила ей, передавая смену, и не выпускала из поля зрения Исаю.

Он поймал ее взгляд, и она отвела глаза.

Корозов встретил начальника охраны вопросительным взором. Тот покрутил головой, громко произнес:

— Чисто, Глеб. Просто под метелку.

Наступила пауза. Глеб был обескуражен. Не сразу, но твердо выговорил:

— Этого быть не может! Не может быть и все! Она мне сама назначила встречу! Мистика! Шехова нашли мертвым, а ее вообще нет! Не верю, чтобы не приезжала. Зачем бы она звонила мне? К чему устраивала бы такую комедию? Может, я что-то не так понял? Но такого тоже не может быть! Я еще не выжил из ума! И она человек адекватный. Сидеть дома и сообщать мне, что звонит из гостиницы, нелепость какая-то. Ерунда. Чушь полная. Можем это проверить! — набрал домашний номер жены Павла. Ждал долго, потом отключил, сказал. — Не отвечает. Все правильно. Кто может ответить, если она уехала на встречу со мной? — опять глянул на дисплей телефона, полез в его память. — Она утром мне звонила со своего смартфона. Сейчас, сейчас. Так, вот, нашел. Звоню, — ждал, пока компьютер не ответил, что телефон отключен или находится вне зоны досягаемости.

Помрачнев, Корозов пихнул телефон в карман.

Выйдя из-за стойки, Воброва приблизилась к Глебу:

— Моя смена закончилась, Глеб. Теперь все вопросы к моей сменщице. Но я надеюсь, ты убедился, что я тебя не обманула?

— Мистика, Оксана, мистика, — растерянно качнулся он всем корпусом.

— Может быть, над тобой элементарно подшутили.

— В прошлый раз тоже можно было подумать, что подшутили, — сказал он. — А шутка вылилась в труп. Боюсь, как бы и на этот раз чего не произошло. Гостиница у вас весьма, — чуть помолчал, подбирая слово, — специфическая.

— Ничего подобного, — не согласилась Оксана, — самая востребованная в городе, — постояла, ожидая, что он скажет на это, но Глеб молчком отвернулся, она пожала плечами, и направилась к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru